

Е.А. Певак (Москва, Россия)

Роман О. Миртова «Мертвая зыбь» и «веховская» концепция русской интеллигенции¹

Аннотация: В статье рассматривается роман О. Миртова «Мертвая зыбь» в свете проблем, с которыми столкнулась русская интеллигенция в годы непосредственно предшествующие Первой революции и в эпоху реакции (1907–1909). Анализируется традиционно проводимая параллель между этим романом и сборником «Вехи». И в первом и во втором случае речь идет о возможности пересмотра прежних верований и идей – примете новой эпохи революционно-освободительного движения в России.

Ключевые слова: О. Миртов, «Мертвая зыбь», «Вехи», революционная идеология и психология, эволюция социума и личности

Е.А. Pevak (Moscow, Russia)

O. Mirtov's Novel "Dead Swell" and the "Vekhi" 's Concept of the Russian Intelligentsia

Abstract: The article examines O. Mirtov's novel "Dead Swell" in the light of the problems that the Russian intelligentsia faced in the years immediately preceding the First Revolution and in the era of reaction (1907–1909). The traditionally drawn parallel between this novel and the collection "Vekhi" is analyzed. Both in the first and in the second case, the possibility of revising old beliefs and ideas were discussed – the feature of a new period of the revolutionary liberation movement in Russia.

Key words: O. Mirtov, "Dead Swell", "Vekhi", revolutionary ideology and psychology, evolution of society and personality

Культурный код, сложившийся в рядах прогрессивно мыслящей интеллигенции – главного поставщика кадров для революционного освободительного движения, изначально не предполагал возможности для человека критически осмыслить предлагаемую идеологию, отказаться от прежних убеждений, которые пришли в противоречие с выводами, сделанными в процессе его внутренней эволюции. Хотя, казалось бы, допуская колебания в истории человечества, логично было признать естественной возможность таких колебаний и для отдельной человеческой еди-

¹ В основе статьи доклад, представленный на Ломоносовских чтениях (МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 10–13 апреля 2023 г.).

ницы в процессе ее эволюции или деградации, происходящей иногда в унисон с трансформирующимся миром, иногда не совпадающей с ним в фазе движения. Но парадокс в том, что приверженцы революционных преобразований (по разным причинам) считали допустимым и позитивным изменение в мировосприятии индивидуальности в том случае, если таковое не противоречило системе взглядов, взятой на вооружение в определенных общественных кругах. Вступая в этот круг, личность как будто принимала на себя обязательства не думать, не оценивать, не развиваться, не подвергать сомнению бытующие в окружающей ее среде идеи.

В преддверии Первой русской революции мысль о свободном выходе из круга прежних верований стала проникать в концепции прежде всего религиозно-общественных деятелей, но касалось это в первую очередь интеллектуальной элиты. В целом же в интеллигентских кругах сама возможность «смены вех» рассматривалась как предательство, отказ от высокой цели – уничтожения социальной и экономической несправедливости, гармонизация политического устройства, при котором доступно будет справедливое распределение материальных благ.

Скептическое отношение к пересмотру ранее усвоенных идей, формированию системы взглядов не по общепринятым образцам, а в соответствии с потребностями личности демонстрировали и приверженцы народнической идеологии, и марксисты, и эсеры. Проще было тем «отступникам», которые действовали в рамках группировки единомышленников, как это было у эсдеков-махистов или у перешедших в стан идеалистов бывших марксистов, например. «Отступник»-одиночка, как В.В. Розанов, оказавшийся не до конца своим и в стане «охранителей», и в рядах «обновителей», за свободу выражения своих мнений, – правильное было, вероятно, сказать за право заниматься профессиональной деятельностью без оглядки на «однопартийцев», – за широту взглядов (специфическую, конечно) поплатился исключением из Петербургского религиозно-философского общества. Интерес в данном случае представляет аргументация Д.В. Философова, который обосновывает законность данного решения, не видя в этой ситуации посягательств на права частного лица, так как «приговор» адресован общественному деятелю В.В. Розанову, поступки которого дискредитируют «известную общественную организацию, имеющую свое лицо»¹.

Двусмысленность такого подхода к решению вопроса о свободе личности рождала множество нестыковок и противоречила заявленной программе формирования некоего единства даже в масштабах той части общества, которая готова была руководить процессом преобразований в стране. Получалось, что единство «руководителей» обеспечивалось не свободой, а регламентацией личного выбора в узком коридоре определенных партией или другим общественным институтом возможностей. Все решалось достаточно просто, если остракизму подвергался человек, цинично преследующий корыстные цели, прикрываясь идеологией либерализма. Если же в отступничестве уличался тот, кто, очевидно не рассчитывая на выгоды, в своем внутреннем движении отклонялся от принятого в кругу единомышленников курса, на поверхности оказывалась не имеющая решения проблема: «Я» вступало в конфликт с «Мы» – без надежды на их гармоническое равновесие.

Острота этого конфликта обнаружилась со всей очевидностью в период после Первой русской революции, в годы реакции, когда, потерпев сокрушительное поражение, деятели освободительного движения (и вожди, и рядовые участники) обнаружили, что выйти из круга революционных идей при осознании их беспер-

¹ Из выступления Д.В. Философова на общем собрании РФО Петербурга 26 января 1914 г.

спективности крайне сложно, не потеряв при этом лицо: присоединившись к освободительному движению, ты оказывался в рабстве догматического мышления тех, для кого однажды принятые верования стали конечной точкой их духовного и интеллектуального развития.

Много обличительных сентенций и споров в свое время вызвала публикация сборника «Вехи» (1909). Авторы статей подвергли критике русскую интеллигенцию – материальное тело прогресса – за преднамеренный уход в сферу материального и игнорирование духовных запросов личности. Как писал М.О. Гершензон в предисловии к книге, главной ошибкой интеллигенции (и в этом сошлись мнения всех участников сборника) было непонимание того, что «внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, является единственно прочным базисом для всякого общественного строительства»¹, и сделанная ею ставка «на признание безусловного примата общественных форм» в корне неверна, потому что противоречит естеству человеческого духа и не позволит достигнуть поставленной цели – освобождения народа.

На авторов, в той или иной мере принадлежавших к кругу легальных марксистов, обрушился шквал обвинений и со стороны консервативных сил, и со стороны левых радикалов. Лидер эсдеков-большевиков В.И. Ленин увидел в этом выступлении «несомненную суть кадетизма», свидетельство «полнейшего разрыва русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением»². Более сдержан был в своей негативной оценке социал-демократ Н.И. Иорданский. Веховцы, по его мнению, именно демократичность русской интеллигенции считают главным ее пороком и на демократичность нападают, все же прочие их самообвинения представляются ему «расплывчатыми формулами семи смертных грехов»³. А.В. Пешехонов⁴, один из основателей неонароднической партии (народные социалисты), воспринял выступление веховцев как хорошо спланированную акцию по дискредитации освободительного движения, хотя включенные в сборник статьи явно противоречат друг другу. По его мнению, выполняя заранее поставленную задачу – низвести русскую интеллигенцию с пьедестала, каждый из авторов сосредоточился на определенном направлении: Бердяев опорочил ее в философском отношении; Булгаков – в религиозном; Гершензон изобразил ее «психическое уродство»; Кистяковский – «правовую тупость и неразвитость»; Струве – «политическую преступность»; Франк – «моральную несостоятельность»; Изгоев – «педагогическую неспособность».

Критически воспринял «Вехи» Мережковский⁵, признавший, что авторы (а среди них есть близкие ему люди: Гершензон и Бердяев) в своих заблуждениях пребывают «почти там же», где когда-то был он сам. Их нападки на русскую интеллигенцию он иллюстрирует сном Раскольникова о маленькой лошадке, запряженной в огромную телегу: «телега – Россия; лошаденка – русская интеллигенция», а истязующие ее «огромные мужики» – авторы «Вех». Не утешают его и произнесенные

¹ Здесь и далее «Вехи» цит. по: <https://www.vehi.net/vehi/intro.html>

² См.: Ильин В. [Ленин В.И.] О «Вехах» // Новый день. 1909. № 15. 13 дек.

³ См.: Иорданский Н. Творцы нового шума // Современный мир. 1909. № 5.

⁴ См.: Пешехонов А. На очередные темы. Новый поход против интеллигенции // Русское богатство. 1909. № 4.

⁵ См.: Мережковский Д.С. Семь смиренных // Речь. 1909. № 112. 26 апр. Расширенный вариант доклада, представленного Мережковским на заседании Религиозно-философского общества, – «Опять о интеллигенции и народе».

в сборнике слова «вера», «религиозный»¹ – и то и другое «в двусмысленных кавычках», так как применяются они к «внутренней жизни личности» как «единственной творческой силе», отменяя таким образом христианство: «Если религиозная сила личности – единственная, если нет религиозной силы общественной, то нет церкви, нет христианства, нет Христа»².

Философов в статье «Спор вокруг “Вех”»³ сосредоточился на фразе Гершензона: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной», – на которой основал свою характеристику сборника А.А. Столыпин в «Новом времени», оценив выступление авторов «Вех» как «интеллигентский самосуд». Сам Философов в заявлениях бывших коллег, проповедующих «патриотизм, национализм и религию», видит отголоски слафинофильского лозунга «самодержавие, православие и народность», а разница между теми и другими в том, что лозунг «веховцев» «сводится в конце концов к благородной риторике», тогда как у их предшественников-славянофилов «имел определенное содержание в теории и в жизни».

«Самой грустной и самой благородной книгой»⁴ назвал «Вехи» Розанов, указав, что своим покаянием, признавая вчерашние свои убеждения ошибкой, авторы «вдруг подняли интеллигенцию из той ямы и того рублища, в которых она задыхалась, в высокую лазурь неба».

Для того чтобы спуститься на несколько ступеней вниз и посмотреть, как циркулировала идея «смены вех» не в «верхах», а среди рядовых участников освободительного движения, резонно обратиться к забытому роману «Мертвая зыбь»⁵, автор которого – писавшая под псевдонимом «О. Миртов» О.Э. Котылева (Розенфельд), урожденная Гредескул, внучка «антрополога»-социалиста П.Л. Лаврова, идеолога пропагандистского направления в народничестве.

Писательница с такой «родословной» хорошо знала нравы и обычаи той среды, которую представила в романе, добавив впечатления о своем пребывании в вологодской ссылке⁶.

Персонажи «Мертвой зыби» сталкиваются друг с другом в пространстве романа, разлетаются в разные стороны, затем вновь встречаются, как бильярдные шары, собранные чьей-то волей в стройную геометрическую фигуру на зеленом сукне стола. Ярким зачином становится первая глава, повествующая о рождении одного из тех, кого можно было бы назвать главным героем, – Андрея Силина.

¹ К тому же, напоминает Мережковский, «окончательно православные» среди авторов сборника лишь Булгаков и Бердяев.

² Мережковский Д.С. Семь смиренных. Цит по: http://az.lib.ru/m/merezhkovskij_d_s/text_1909_sem_smirenyh.shtml

³ Философов Д.В. Спор вокруг «Вех» // Русское слово. 1909. № 111. 17 мая. Здесь и далее цит. по: http://az.lib.ru/f/filosofow_d_w/text_1909_spor_vokrug_veh.shtml

⁴ Розанов был на заседании Религиозно-философского общества, но в прениях участия не принимал. Упоминание Д.В. Философова в одном ряду с Мережковским связано с тем, что оба выступали с докладами. Философов представил доклад «Национализм и религия», также содержащий критику «Вех». См.: Розанов В.В. Мережковский против «Вех» (Последнее религиозно-философское собрание) // Новое время. 1909. № 11897. 27 апр. Здесь и далее цит. по: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1909_merezhkovsky_protiv_veh.shtml

⁵ См.: Русская мысль. 1909. № 8–12. Отдельное издание романа опубликовано в Петербурге в 1910 г.; в том же году во Франкфурте-на-Майне роман вышел в переводе на немецкий язык. Первая глава была напечатана в сб. «Италии» (СПб.: Шиповник, 1909).

⁶ Поводом послужило участие Котылевой в деятельности кружка «Объединение революционных сил памяти П. Лаврова», готовящем покушение на В.К. Плеве. Предполагалась ссылка в Восточную Сибирь, но в итоге она оказалась в 1903 г. в Вологде.

Отец его – богач, красавец, но явно психически нездоровый человек, а мать – испуганная девочка, выданная замуж в юном возрасте и все три года брака прожившая в кошмаре извращений, к которым был склонен ее муж. Андрей был третьим ее ребенком (дважды у нее рождались мертвые дети), и только в первый час после его появления на свет, «счастливый коротенький час», она была по-настоящему счастлива – чувство, прежде ей неведомое.

Унаследовавший порочную натуру отца Силин становится в романе олицетворением человеческой низости, а противопоставлен ему вовсе не герой – просто человек, писатель Мохов, но отличающийся от других ссыльнопоселенцев отсутствием суетности и умением погружаться в раздумья даже в минуты отчаянных споров «самоотверженных людей» в ожидании того момента, когда «мысль взлетит высоко»¹, что даст ему возможность с высоты взглянуть на окружающих и увидеть связующие их нити. С ним читатель знакомится во второй главе – и сразу же перемещается из сонного провинциального городка, где родился Силин, на север, к месту ссылки. Там оторванные от дома, от привычной жизни люди пытаются заполнить пустоту существования бесконечными партийно-бюрократическими играми («комиссии, подкомиссии, центральные правления...»), результатами которых становятся полубезумные проекты «борьбы» с начальством. Один из таких проектов предлагает ссыльный Козлов – юноша с внешностью мраморного бога, большой поклонник парламентских методов во всем, даже в мелочах: в ответ на избиение заключенных в одной из тюрем надо, как он считает, применить абсолютно новую форму протеста, прежде неизвестную революционно-освободительному движению. Те, кто отбывает ссылку в Архангельске, должны отправиться в ближайший к ним пункт ссылки, а ссыльные из этого пункта идти в Архангельск; обитатели Сольвычегодска двинутся к Великому Устюгу, к Вологде, а вологодские сидельцы – в Сольвычегодск. И таким образом ссыльные смогут не только выразить протест, но и ввести правительство в экстренные расходы.

Абсурдность этого плана очевидна тем, кто не утратил способности мыслить, и даже антиподы Силин и Мохов едины в отношении к козловской затее. Большинство, напротив, быстро переходит от разочарования (ждали чего-то большего) к восторгу, вызванному не столько самим предложением Козлова, сколько ощущением наступившей весны, когда все в природе движется и человеку тоже хочется сняться с насиженного места и идти, идти – неважно куда и зачем, лишь бы выбраться из этой ссыльной «ямы», наполнить свое существование хотя бы видимостью большого, важного дела. Даже «волчонок» (так ее называет Силин) Катерина Брянцева, известная своей готовностью любые предложения принимать в штыки, поддается общему гипнозу и мечтает о том, как «все толпище унылых, придавленных людей двинется... <...> Просто, вот так – вылезут из своих нор и пойдут по зеленой земле, шутя, как бы на прогулку, разбредутся в разные стороны... <...> Как только сойдет лед...»² В спор с ней вступает Мохов, который, в отличие от Силина, крикнувшего провокационное «Ура!», поначалу открыто не выражает своего отношения к идее «переселения народов» – до того момента, пока к нему не обращаются с прямым вопросом, готов ли он проголосовать «за». Тщетно пытается Мохов убедить окружающих в том, что большинство, поддерживавшее эмоциональную идею Козлова, не право и руководствуется не разумом, а сиюминутными эмоциями; часто, напоминает он, именно большинство, «как за-

¹ См. текст романа на ресурсе: ru.wikisource.org/wiki/Русская_мысль/1909

² Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. № 10. С. 33.

блудшее, раскаявшееся дитя», принимает за единственно верное и правильное решение «движение струй в воздухе»¹. Расплата Мохова за этот грех – иметь мнение, отличное от мнения большинства, – приходит мгновенно, и давно назревающий конфликт между «вождями» ссыльнопоселенцев и Моховым, который раздражает их своей обособленностью, погруженностью в себя, даже своей финансовой независимостью, выходит на поверхность: уже звучит намек на провокаторство Мохова.

Не раз и не два на протяжении повествования разные персонажи романа отмечают особенность, характеризующую обитателей ссыльной «ямы», – игнорирование человека. И в случае с Моховым в вину ему вменяется прежде всего то, что он, объясняя свою позицию, произносит «человек», «личность», «психология» – слова, давно сданные в архив его товарищами по несчастью. Но, как показывают истории разных персонажей, без этих забытых слов понять, что происходит в их жизни, несчастливой, мутной, невозможно. Понимает это даже далекий от революционных дел Африкан Карпович, прибывший на север из пыльного городка, где он мирно жил, исполняя обязанности смотрителя лечебницы на водах. Жизнь его была упорядоченной и неспешной до тех пор, пока племянница Соня, Софья Сергеевна, не повстречала на своем жизненном пути Димитрия Ивановича Сомова, революционера, за которым отправилась в ссылку. Смешной толстяк, дядюшка Сони хотя и склонен видеть в каждом из ссыльных существо необыкновенное, открыл присущий «настоящим людям» изъян – равнодушие к человеку. Он замечает это в отношении к племяннице, не настоящей ссыльной, и к тому же не жене, а сожительнице Димитрия. Но и в общении друг с другом ссыльные революционеры на удивление бездушны, впрочем, «душа» у них под таким же запретом, как и «психология» и все прочее. Африкан Карпович всем сердцем желал бы быть вместе с ними, участвовать во всех их делах, разделять их надежды, но его удручает проявляемая ими жестокость в спорах, чуть ли не драках, на собраниях: «Разные партии, а что такое за беда, – размышляет он, – что разные партии! Главное ведь, чтобы революционером быть, чтобы душа, так сказать, всегда была наготове. Не все ли равно, я этак, значит, за рабочего, а ты – за крестьян. Главное то, чтобы, вообще, за человека. А тут какая-то злоба...»²

Игнорирование человека, которому не позволяется иметь никаких самостоятельных мыслей, который вообще выносится за скобки при решении вопросов о прогрессе, о будущем страны, о всеобщей справедливости, – самая острая проблема, постоянно обсуждаемая в противоборствующих лагерях до и после Первой революции, не утратившая своей остроты в годы становления страны Советов. Предлагаемый способ возвращения отдельной человеческой личности в формулу всеобщей справедливости – пробуждение веры в идеал (политический или религиозный, что, как предполагалось, даст ей ощущение полноты бытия, а значит, и счастья) – следовало каким-то образом состыковать с другими целями: излечить современников, с одной стороны, от безликости, бессубъектности, с другой – избежать опасностей индивидуализма с его тенденцией перетекания в соллипсизм.

В «Мертвой зыби» писательница сосредотачивается на вопросе возвращения человеку человеческого достоинства и своего «я», которое может быть утрачено как в результате включенности в партийную деятельность, так и в межличностных отношениях. И для высвечивания этой темы ей чрезвычайно удобен беззлюб-

¹ Там же. С. 35.

² Там же. С. 5.

ный, безобидный, восторженный, искренне верящий в благородство намерений революционеров Африкан Карпович, который в простоте душевной видит то, что незаметно большинству: «Трудно сохранить человеческое достоинство с людьми, которые до того разучились видеть человека, что лишь по счастливому инстинкту не натыкались на толстого дядю»¹. В непосредственной близости он наблюдает отношения племянницы с Дмитрием, которые, как понятно и старику Карпычу, непрочны. Правда, в его простодушной наивности ему кажется, что дело еще можно поправить, достаточно вступить в законный брак, которым, по его наблюдениям, не пренебрегает ссыльная молодежь. Другая пара, состоящая в законном браке, – Андрей Силин и Елизавета, Дитя, как звал ее отец. Дочь с отцом были чрезвычайно близки, но эту духовную связь разрушил Андрей, в которого Елизавета без памяти влюбилась в юности, и даже угроза отца – «Прокляну» – ее не остановила.

Постепенно выясняется, что Елизавета до встречи с Андреем тесно общалась с Моховым, и он как-то рассказал ей сказку о заколдованной принцессе, спящей с открытыми глазами: «Все, что проходило мимо ее глаз, отражалось в них не глубже и не дольше, чем летящие облака в тихом озере...»². И лишь когда перед ней явился он, чары рассеялись: в глаза принцессе ударил невыносимо яркий свет – она проснулась, но от слишком яркого света закрыла глаза «для всего окружающего» и «видела только его, потому что один только его образ навеки отразился на сетчатой оболочке ее закрытых глаз»³.

Приносимые женой Силина жертвы во имя любви похожи на жертвенное служение революционной идее, опустошающей, как можно судить по персонажам романа, внутренний мир человека. И добровольное заточение Лизы – она не принимает участия в собраниях ссыльных, даже не выходит на улицу – воспринимается как ее желание спрятаться от реальности, которая уже давно ничего общего с лелеемым ею идеалом не имеет, как настоящий Силин с тем образом, который она тщательно оберегает от возможного разрушения.

В ссылке Елизавета, внутренне сопротивляясь, делает страшное открытие: ее нет, всю себя она добровольно отдала чувству, которое не то чтобы ни к чему Андрею, но страшно тяготит его. В беседах с Моховым Силин, характер которого представляет собой невероятную смесь⁴ циничной откровенности, обаятельной наивности в своей животной страсти к жизни и в то же время хитрости и изворотливости, делится своими наблюдениями и сделанными им выводами. Мохову Силин интересен. Он с удовольствием слушает его признания, его рассказы о детстве, о взаимоотношениях с отцом. Как позже становится известно, никаких иллюзий по поводу Силина у него нет, но общение с этим обаятельным мерзавцем дает ему материал для раздумий. Мохов с его сосредоточенностью не на поступках человека, а на анализе мотивов, побуждающих совершать те или иные действия, то и дело «дополняет» авторские характеристики и самохарактеристики персонажей. Внешне равнодушный к происходящему, погруженный в свои мысли, он постоянно «применяет» свои теории к окружающим, изучая человеческую природу во всех ее проявлениях. Частые беседы с Силиным, который открывает

¹ Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. №9. С. 155.

² Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. №8. С. 38.

³ Там же.

⁴ О характере Силина, выписанном «мастерски – эффектно, красиво и рельефно», см.: Колтоновская Е. Наследники Санина // Колтоновская Е. Критические этюды. СПб., 1912 (az.lib.ru/k/koltonowskaja_e_a/text_1912_nasledniki_sanina.shtml).

Мохову тайны своей семейной жизни, заставляют последнего задуматься об отношениях в этой странной паре. Своими мыслями он делится с недавно прибывшей к месту ссылки революционеркой Соколовой – зеркальным отражением натуры Силина. Женщина малопривлекательная, она тем не менее притягивает окружающих своей физической крепостью, здоровьем, а самого Силина, в частности, восхищает еще и откровенным, «естественным» аморализмом. Силин, которого угнетает как физическая немощь жены, так и ее желание все усложнять, «психологизировать» элементарные, натуральные проявления человеческого организма, восхищен Соколовой, ее теорией «контракта на три года», после чего любовники не просто могут, а обязаны расходиться, иначе жизнь их превратится в кошмар: «...самая страстная любовь продолжается одно трехлетие... затем или взаимная проституция и, стало быть, скука, или сцены, грызня... ибо огонька хватает только на три года...»¹. Впрочем, он с удивлением замечает, что ему такой простоты в отношениях недостаточно, иначе что его тогда удерживает от разрыва с Лизой? Всего лишь ощущение своей власти над этим жалким существом, которое «вытравило всю душу» ради него? Самодовлеющее «я» Силина не может существовать без высокой жертвы Лизы, которую он сам превратил в свою тень.

Видимо, особого рода эгоизм Силина, осложненный рефлексией, отличающий его от достаточно примитивной и одномерной Соколовой, при всей их схожести, побуждает Мохова поддерживать отношения с этим человеком, однажды сделавшим ему интересное признание. На вопрос, почему он не пожелал реализовывать свои таланты (а что-то в нем наверняка было), Силин отвечает, что такая реализация предполагает завоевывание признания у окружающих, ради которых ему придется ломать себя: «Славу надо заслужить! влезть в ярмо, то есть прежде всего раздавить собственное “я”, его порыв. Чтобы стать великим, надо мещански корпеть, страдать. Ну, а мое “я” лениво и не выносит страданий. <...> мое “я” желает быть свободным. Задавить, связать свободное, ленивое “я”, всего, значит, Андрея Силина, и, взяв одну частичку из огромного, выбросить остальное, культивировать, прививать, уродовать, как уродует садовник прекрасный шиповник для розы...»². Собственно, и сам Мохов не желает подвергаться такой обработке извне, предпочитая сохранить свое «я», но в нем нет животного эгоизма Силина, требующего все новых и новых жертв.

В описании любовных сцен с участием Силина романистка подчеркивает унаследованные Андреем от отца садистские наклонности. И не случайно в беседе Мохова с Соколовой тема эта также поднимается. Появление Соколовой, которую делегировали товарищи с вопросником для выяснения «подноготной» Мохова, напоминает ему беседы с прокурором во время тюремного заключения. Прокурор для него – полноправный представитель «мира растления, мира мертвых, который все-таки живет!...»³ По наблюдению Мохова, главная черта таких живых мертвецов – «застывшая совесть», следствием чего становится невозмутимый, холодный, ясный цинизм в отношении к человеческой душе. Понять эту душу, разять ее на составные элементы и выжечь дотла, испытывая при этом чувство, родственное сладострастию любви, – их главная цель. И чем сложнее устроен душевный организм, обреченный на разрушение, тем сильнее чувство удовлетворения от содеянного. Видимо, это и удерживает Силина от полного разрыва с женой,

¹ Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. № 11. С. 28.

² Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. № 8. С. 29.

³ Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. № 11. С. 4.

которую он временами ненавидит, но бросить ее так, как он бросает проститутку Евлампью, не может, так как испытывает особого рода наслаждение, когда снова и снова ловит ее в свои сети, иногда в самый последний момент, когда сама Лиза готова поставить точку в их отношениях. Есть у него и оправдание, как и у прокурора, с которым Силина столкнула судьба: жертвам нравятся страдания, они испытывают такое же наслаждение, как и терзающий их палач.

Как догадывается Мохов, вспоминая свое заключение, прокурор во время одного из допросов рассказывает ему именно историю Силина и его жены Лизы. Оказавшись в тюрьме из-за Силина, небрежно обращавшегося с прокламациями, по сути дела не имеющая никакого отношения к революционным делам, Лиза берет вину на себя, а Силин объясняет прокурору, чем вызвано его равнодушие к страданиям жены: не надо мешать ей чувствовать себя счастливой, наслаждаться своей жертвенностью. Для прокурора «прохвост» Силин, как замечает Мохов, намного более интересный объект исследования, чем Лиза, и, наблюдая, как проходят свидания Силина с женой-страдалицей, прокурор в свою очередь получает удовольствие от этого «представления, как в театре»¹. Конечно же, ему понятны мотивы поведения мужа, в котором он видит почти что родственную душу. С Моховым он делится и историей другого тюремного сидельца – юноши террориста, который упорно отказывался от любых послаблений, свиданий с невестой, с матерью и «ни разу не написал ни одной просительной записочки». Отправленный в ссылку, он свел счеты с жизнью. «Геройски жил», резюмирует прокурор, «геройски и умер». На вопрос Мохова, не жаль ли ему юноши, прокурор объясняет, что поводов жалеть этого человека нет, так как тот исполнил свой «единственный долг – быть счастливым»². Вообще же долг, разъясняет он, величина переменная: «То, что вчера было моим долгом, сегодня – недомыслие... Вечно только чувство счастья»³. Пока юноша сидел в Крестах, он был «из глубины счастлив»; оказавшись в ссылке, лишенный возможности получать счастье от исполнения долга, он погибает. Дубликат этого счастливец – Лиза, жена Силина, и оправдание Андреем своей жестокости сродни рассуждениям прокурора.

«Паутинная» система персонажей с массой точек соприкосновения, переплетенных в прошлом, отражает систему взглядов Мохова – смыслового центра романа. Этот герой не чаще других персонажей, вынесенных в центр повествования, предается раздумьям, но в отличие от них он способен выйти за пределы сугубо личных переживаний и окинуть ищущим взором вселенную в поисках своего места в мироздании. Перед приходом к нему Соколовой, Мохов перебирал свои старые записи, напомнившие ему мечты написать когда-нибудь «великий роман жизни», в котором «будет вскрыт узел мировых скрещений – самых разнородных событий, самых противоположных настроений и деяний людских. Страдания, надежды, страсти всего человечества – все выходит из этого узла. Неотделимый от природы, мыслящий человек действует подобно автомату, внутри которого вложена тайная пружина, соединенная нитью с великим мировым узлом. Он совершает преступления и подвиги, слепо и непреклонно повинуюсь»⁴.

«Тайная пружина», обеспечивающая автоматизм действий, может служить оправданием любого, самого гнусного преступления человека, и одновременно является подтверждением сохраняющейся связи души человека с мировым узлом, с

¹ Там же. С. 9.

² Там же. С. 8.

³ Там же.

⁴ Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. № 10. С. 53.

Вселенским «я». Так думает Мохов, на основании этого приходя к неожиданному выводу: жизни одинаково нужны и преступник и герой, все включены в паутину связей, образующих мировой узел. Сам он чрезвычайно дорожит нитью, соединяющей его личное «я» с Вселенским, потому и не желает отказываться от своей «пляски страданий» – припадков священной болезни, когда внутри него вдруг начинает биться второе сердце, как будто «привязанное к первому и возмутившееся до исступления от этой зависимости»¹. Следствие припадков – охватывающее его чувство «начала жизни», ощущение того, что в нем вырастает «спех к жизни». Расстаться с болезнью для него все равно что утратить свое «я», утратить связь своей души с мировым узлом, с Вселенским «я». Неустойчивость, текучесть человеческой личности, иногда устремляющейся в бездны порока, вероятно, не так пугает его, как утрата связи с вечностью, обеспечивающей жизнь души. Сам он убежден в том, что «неприятные моменты в жизни», вроде объявленного ему бойкота, злоба, растерянность и проч. «есть только орудие бессознательного... той великой силы, которая в своем размахе, направленном к достижению счастья и торжества мысли человеческой вообще, мимоходом шлифует мысль отдельного индивиду[у]ма...»².

Свой рассказ о беседах с прокурором Мохов иллюстрирует еще одним примером, делясь с Соколовой своими переживаниями при посещении парижского музея восковых фигур Grévin, где «мертвые» смешались с живыми и определить, кто перед тобой – живой человек или «только футляр», не представляется возможным. Для него это отражение самой жизни, где встречи с «футлярами» так же часты, как и встречи с живыми людьми, но, как писателя, его больше всего интересует вопрос, что собой представляет человеческий «механизм», что делает его живым или мертвым. Ему хотелось бы разобрать его по частям, чтобы обнаружить внутри «таинственную кнопку, которую стоит легонько нажать, и открывается клапан, и из глубины выливается в мир, скажем, в сердца людей, то, что мы называем живительным чувством. Там, где-то, под клапаном, в тишине души, зреет оно и светится из глубины глаз»³. Таковы люди, а вот в «футлярах» клапан-хранитель оборван, и, сколько ни нажимаешь на кнопку, из глубины «ничего не выльется для людей»: это «холодная движущаяся формула». Копание в «мусорной куче» (такую характеристику жандармскому управлению дает Соколова) Мохов считает чрезвычайно полезным и обращает внимание собеседницы на важное упущение литературы, занятой изучением человека среднего или героя, исследующей страдания совести, но игнорирующей «предварительные процессы», протекающие в душах людей, у которых постепенно «застывает» совесть. Мохов чрезвычайно толерантен в отношении зла: интерес исследователя, изучающего природу человеческих пороков и добродетелей, берет верх над человеком, которому претит безнравственность, цинизм, жестокость. Он с легкостью подпадает под обаяние Силина, хотя не может не понимать, что перед ним натура глубоко порочная. Но он доволен и тем, что таинственная кнопка в механизме этого прохвоста все еще действует, пусть и «выливается» в мир при ее нажатии сплошная мерзость. Двойственные чувства вызывает в нем Соколова, особа, конечно, вульгарная и себе на уме, внешним обликом напоминающая «хорошо испеченный, зарумяненный кулич», и в то же время – со своими «несколькими вопросными пунктами» – околоточного надзирателя, а в целом миссией своей – давнего собеседника Мохова, прокурора.

¹ Там же. С. 50.

² Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. №9. С. 52.

³ Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. №11. С. 6.

Когда в разговоре Мохова и Соколовой, к которому присоединяется Катя Брянцева (с того самого собрания, где Мохову было брошено в лицо обвинение в провокаторстве, а затем и после объявления ему бойкота Брянцева показательно демонстрирует свою приязнь к нему и постепенно проникается чувством искренней симпатии к этому мямле), был упомянут Андрей Силин, Соколова дает «прохвосту» весьма высокую оценку. Хотя непосредственно перед этим она узнала, что жена Силина пострадала по его вине, а сам он, имитируя сострадание, наслаждался спектаклем, нанося визиты в тюрьму. Упрекнув Брянцеву в том, что та при оценке Силина «применила слишком субъективный метод мышления»¹, Соколова заявляет, что ее восхищает в Силине свобода, которую он «вносит во все»: «Когда он рассказывает о самых рискованных вещах <...>, не правда ли, не чувствуется смакованья, а только здоровый юмор, который делает все чистым... потому что в корне вещей нет грязи, потому что грязь вносят люди, своею жалкой моралью...»² И если Брянцева, узнав в этом тезисе «силинские фразы», негодует, Мохов реагирует сонной улыбкой, все еще размышляя, остаться ли ему в позиции наблюдателя или «погрузиться в благодетельное страдание, горение», которого он давно ждет? То самое страдание, которое способно поднять человеческую мысль на необходимую («давно угаданную») высоту, откуда «через головы, даже через столетия» можно смотреть в глубину веков и «в прошлом и в грядущем видеть человека»³.

В эпизоде встречи Брянцевой и Соколовой у Мохова появляется упоминание «Сада пыток»⁴ О. Мирбо, и отнюдь не случайно. Мохов читает книгу, где речь идет не только об «инстинктивном удовольствии убийства», которого не переломить никаким культурным влиянием, но и о том, что «убийство рождается от любви, и любовь достигает максимума своего развития в убийстве». «Тут одна и та же физиологическая экзальтация, те же самые жесты объятий, те же самые укусы. И часто даже те же самые слова при одинаковых спазмах», – утверждает один из собеседников, собравшихся в доме известного писателя, – «человек, с измученным лицом, с согбенной спиной, с тусклым взглядом, с преждевременно совсем седыми головой и бородой». Во вступительной части романа («Вместо предисловия») все начинается с разговоров об убийстве, но в какой-то момент этот человек меняет тему: сначала делится с приглашенными своими суждениями, а затем знакомит их с написанным им рассказом (он дал ему название «Сад пыток») о своих отношениях с женщиной, которые обернулись кровавым ужасом. Эта история и составляет сюжет романа. В рассуждениях Мохова «половой вопрос» представлен иначе, в привычном для этого героя ракурсе поисков связи между «я» и вселенной, когда отсутствие этой связи вызывает ужас одиночества, который и «родит все хорошие идеи»: «общественное служение, будущая жизнь, вечная любовь и проч. ...»⁵. А если хорошие идеи не помогают и «мозг устал», человек в отчаянии обращается к своим изначальным корням: «Тогда сладострастие кажется ему решением всех жизненных вопросов...»⁶ Мохов в теории приходит к выводу, который опытным путем «постигает» Силов.

¹ Там же. С. 19.

² Там же.

³ Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. №9. С. 44.

⁴ «Le Jardin des supplices» (1899). В другом переводе «Сад мучений».

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Там же.

В романе половому вопросу действительно уделяется немало внимания, на что указал в своем обзоре С.А. Адрианов¹, отметивший «любопытную постановку столь модной теперь половой проблемы»². В «весьма туманной» фигуре Мохова он находит сходство с князем Мышкиным: и у того и у другого загадочная болезнь «с прозрениями в синтетическую правду жизни»³; к тому и другому устремляются женщины, «уязвленные страстью», и миртовский «Мышкин» так же не способен удержать их, как и герой Достоевского. При определенном сходстве, есть между двумя героями существенное различие: у Мышкина Христова мудрость, а у Мохова – «вялая философия, бессильная, бездейственная колюблющаяся»⁴. По предположению критика, автор романа тоже разочаровался в «хороших идеях» и обратил свой взор к сладострастию: у автора тоже устал мозг, утратив способность «четко различать “врожденную чистоплотность” от “дряхлой морали”»⁵. «Я вовсе не хочу сказать, – продолжает Адрианов, – чтобы г. Миртов проповедовал “идеал содомский”, как это нередко бывает в современной литературе. Нет, у автора “Мертвой зыби” душа явно лежит больше к тем высшим настроениям и идеям, которые развиваются в душах его героинь или Мохова. Скажу более: автор прямо жаждет обрести уверенность, что все грубое, животное в человеке может быть переработано усилием духа в тонкие психические ценности. Но эта жажда остается неутоленною: наблюдения г. Миртова как будто толкают его к констатированию того факта, что удержаться перед соблазном силинской распущенности можно только либо ценою понижения жизненного пульса, либо ценою аскетической ущемленности. Светлого противоядия против отравы похоти автор найти не в силах, и разве только в предсмертных, полубредовых экстазах Лизы мерцает неуверенный намек на возможность какой-то последней победы души, прошедшей через горнило страдания»⁶. Адрианов скептически оценивает такого рода попытки романистки, испытавшей на себе воздействие веяний времени, создать некую синтетическую формулу, включающую всю жизнь. Личная ее неутоленная душевная боль, непреодоленные диссонансы, по его мнению, не вылились в ясные формулы, не воплотились в четких, ярких образах.

Сосредоточенность на одном из аспектов проблемы («психологическое банкротство русской революции»⁷) – половом вопросе – помешала Адрианову увидеть другой важный для романистки аспект, представленный в размышлениях разных персонажей (прежде всего Мохова, конечно), об опасности утраты своего «я», размывания его во всепоглощающей любви – к человеку или человечеству. Критик видит в романе «сплошную пошлость», не допуская мысли, что дело не столько в замысле автора именно так изобразить «мирок политических ссыльных», а в том, что именно таким этот «мирок» и оказался на самом деле, когда составляющие его люди предстали не в ореоле грандиозных событий, не в лучах революционной славы, а предоставленные сами себе. И тогда-то и выяснилось, что при нажатии «таинственной кнопки» в окружающее пространство выливается зависть, мелочность, злоба и проч. и проч., а кроме этого отчаянная тоска,

¹ См.: Адрианов С.А. Критические наброски // Вестник Европы. 1910. № 1. С. 379–389.

² Там же. С. 379.

³ Там же. С. 383.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 384.

⁶ Там же.

⁷ Адрианов упоминает и других современных авторов, обратившихся к этой проблематике: В. Ропшина, М. Арцыбашева, В. Вересаева.

которую испытывают те, кто еще не до конца «выжег» свою душу, брошенную на алтарь революционного служения. И, несмотря на показное презрение к слову «человек», утрата своего человеческого «я» воспринимается как трагедия. Один из ярких эпизодов в романе – организация тайной сходки на заброшенном еврейском кладбище. Игры в конспирацию и борьба за власть в «высших эшелонах» приводят к тому, что почти никто не знает, когда, куда и с какой целью они идут. Но беспокоит больше всего не само отсутствие информации, а страх, что тебя – человека – забыли, как чеховского Фирса, не заметили, как не замечают толстого дядю Африкана Карповича, не сообщили, сочтя недостойным, истинных целей сходки. Этот иррациональный страх воплощен в эпизодическом персонаже, о котором вообще ничего не известно, но он фокусирует в себе настроения большинства жителей колонии. Ссылный юноша-кавказец даже и не обижен тем, что ему никто ничего не сказал, – кто он такой, чтобы претендовать на знание тайны. Но он боится того, что остался в стороне от общего дела, и непонятно, по какой причине: просто сочли недостойным или в чем-то подозревают? «А что если забыли? Что если просто не заметили?.. Могло же так случиться. Он ходит на все собрания, но ведь бывает так, что человека не заметили! И вот как раз он и есть этот человек, которого не заметили <...>... Как же теперь быть? Он убежден, что его на собраниях не заметили. Могут подумать, что шпион, провокатор...»¹ – лихорадочно соображает маленький человек, и сердце его наполняется «огромным, нестерпимым беспокойством».

Такого рода переживания свойственны не только рядовым участникам – «вожди» колонии испытывают сходные эмоции, как, например, Димитрий Иванович Сомов. Занимающий одну из самых высоких ступеней в иерархии ссыльнопоселенцев, он и подозревает козни «конкурента» Козлова, метящего в безусловные лидеры, и сомневается в самом себе, а всё вместе позволяет увидеть присущую этим людям двойственность. В них одновременно боязнь утраты своего «я» и – боязнь выпадения из общего круга, хотя пребывание в этом круге и обрекает их на безликость. Объяснение этому есть: не подвергать сомнению общепринятые взгляды – значит отказаться от духовной эволюции, которая невозможна, если нет смелости подвергнуть критической оценке любые идеи, хотя бы они и казались безупречно верными. И остается возможным движение только в одну сторону – в сторону нравственного распада, которым оборачивается свобода, допускаемая только в сфере элементарных человеческих потребностей, в частности в решении полового вопроса, что мы и видим в романе «Мертвая зыбь».

Скепсис в отношении раз и навсегда данной истины чаще всего выражает в романе Мохов. Его тревожит и не дает покоя мысль, может ли, вправе ли человек сказать людям свое последнее слово, не дожив до последней минуты? Ведь и пример его собственной жизни убеждает Мохова в том, что в процессе своего духовного развития он отказывается от ряда идей, осознав их несостоятельность. На эту мысль его наводит перечитывание старых записей, сделанных им во время работы над задуманным «романом жизни» несколько лет тому назад. «Но имеет ли право человек, – размышляет Мохов, – сказать людям свое последнее слово, не дожив до последней минуты?.. Можно ли ручаться, что следующее мгновение не вычеркнет все предыдущие 35 лет?.. Что не наступит завтра, когда человек почувствует себя как бы вновь рожденным, когда вчерашние идеи, законы, правила, выводы, наблюдения, чувства – все опрокинется, как нечто ложное, лишённое жи-

¹ Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. №9. С. 14.

вой крови, спадет лохмотьями, и останется ядро – только обнаженное жизненное “я”, сильное своей оголенностью, своим исканием новых светокрылых одеяний»¹.

В этом откровении Мохова есть отголоски суждений Л. Тихомирова о «ложности революционной идеи», в основе которой мечта о «новом строе»: о нем можно мечтать, потому что его еще нет, а когда надоест этот «новый строй», возникнет новая мечта о другом «новом строе» – и так бесконечно. Подобного рода опасений герой романа не высказывает, останавливаясь на мысли о том, что постоянное внутреннее движение личности – залог того, что душа не омертвеет. О том же, что происходит с теми, кто не в состоянии отказаться от чего-то одного во имя развития, романистка предлагает судить по судьбе Лизы, жены Силина, которая распадается как духовно, так и физически. Подводя итог жизни, Елизавета признает: «Да, жизнь сжигает того, кто отдается чему-нибудь одному!...»², повторяя то, что немного ранее и более развернуто сформулировал Мохов: «Иногда я думаю <...>, что одно какое-нибудь на всю жизнь – равносильно смерти... и что жизненно только сомнение...»³

В периоды турбулентности, каким и стало время между Первой русской революцией и революциями 1917 г., ряды тех, кто, охваченный сомнениями, оказался на перепутье в выборе идеологии, в осознании своего места в обществе и степени и формы своего участия в происходящих процессах, – «разноцветных душ» – расширялись. О чем свидетельствует в том числе появление достаточно большого количества рассказов, повестей, романов и пьес, где речь шла о психологических «буднях» революционеров, сталкивающихся с проблемами личного характера, которые широко обсуждались интеллектуалами, но, как правило, отвлеченно, не достигая уровня действительности. Романы О. Миртова, Б. Савинкова – эти своеобразные «репортажи» с места событий – позволяли увидеть иную картину, не ту, что была в текстах литераторов, представляющих психологические проблемы, с которыми сталкивались революционеры-практики, в мистических, религиозно-философских зеркалах или в контексте внутри- и межпартийных распрей (Л. Андреев, М. Горький, Ф. Сологуб, Д. Мережковский, З. Гиппиус и др.), а картину происходящего в ее реальном измерении.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианов С.А. Критические наброски // Вестник Европы. 1910. № 1. С. 379–389.

Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. 2-е изд. М., 1909. 212 с.

Колтоновская Е. Критические этюды. СПб., 1912: az.lib.ru/k/koltonowskaja_e_a/text_1912_nasledniki_sanina.shtml

Мережковский Д.С. Семь смиренных // Речь. 1909. № 112. 26 апр.

Миртов О. Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. № 8–12.

Розанов В.В. Мережковский против «Вех» (Последнее религиозно-философское собрание) // Новое время. 1909. № 11897. 27 апр.

Философов Д.В. Спор вокруг «Вех» // Русское слово. 1909. № 111. 17 мая.

Ильин В. [Ленин В.И.] О «Вехах» // Новый день. 1909. № 15. 13 дек.

Иорданский Н. Творцы нового шума // Современный мир. 1909. № 5. С. 128–137.

¹ *Миртов О.* Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. № 9. С. 48.

² *Миртов О.* Мертвая зыбь // Русская мысль. 1909. № 12. С. 52.

³ Там же. С. 39.

Пешехонов А. На очередные темы. Новый поход против интеллигенции // Русское богатство. 1909. №4. С. 100–126.

REFERENCES

- Adrianov S.A. Critical Sketches. *Vestnik Evropy*. 1910. No 1, pp. 379–389.
- Vekhi: Collection of the articles about the Russian intelligentsia. 2nd ed. Moscow. 1909. 212 p.
- Koltonovskaya E. Critical Studies. St. Petersburg. 1912: az.lib.ru/k/koltonovskaja_e_a/text_1912_nasledniki_sanina.shtml
- Merezhkovsky D.S. Seven Humble. *Rech*. 1909. No 112. 26 April.
- Mirtov O. Dead Swell. *Russkaya Mysl*. 1909. No 8–12.
- Rozanov V.V. Merezhkovsky against “Vekhi” (The Last Religious and Philosophical Meeting). *Novoe Vremya*. 1909. No 11897. 27 April.
- Filosofov D.V. Dispute around “Vekhi”. *Russkoe Slovo*. 1909. No 111. 17 May.
- Ilyin V. [Lenin V.I.] About “Vekhi”. *Novyj Den*. 1909. No 15. 13 December.
- Iordansky N. Creators of New Noise. *Sovremennyj Mir*. 1909. No 5, pp. 128–137.
- Peshekhonov A. On the Next Themes. A New Campaign against the Intelligentsia. *Russkoe Bogatstvo*. 1909. No 4, pp. 100–126.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Певак,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena A. Pevak,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
epevak@yandex.ru